

Чу Мочэнь однажды сказал, что улыбка Цзи Цина самая обворожительная. Она такая лучезарная, в ней чувствуется счастье.

Но он не знал, что Цзи Цин улыбался так только ему одному.

Именно из-за того тепла, которое дарил Чу Мочэнь, Цзи Цин когда-то был готов отказаться от всего ради него, и он считал, что это того стоило.

— Чего улыбишься? Будешь есть или нет? — грубоватый голос Чу Мочэня резко вернул Цзи Цина в реальность.

Нынешний Чу Мочэнь — совсем не тот его брат Чэнь.

— Я сам, — ответил Цзи Цин.

Чу Мочэнь поставил миску и вышел из подвала.

Сидя в гостиной, он продолжал прокручивать в голове улыбку Цзи Цина, которая странным образом наложилась на воспоминания о том, как он насильно овладел им в тот день. Все эти годы после аварии о своем прошлом он знал лишь с чужих слов.

Ему говорили, что он до глубины души был привязан к Цзи Ю, и он продолжал опекать его, но сам всегда чувствовал, что чего-то не хватает.

Он был обычным мужчиной, но слабое здоровье Цзи Ю всегда оставалось большой проблемой, и за последние годы он ни разу не прикасался к нему.

А в тот день, сорвавшись на Цзи Цине, он внезапно испытал удовлетворение, какого не знал прежде. И еще... какое-то смутное чувство узнавания.

Чу Мочэнь списал всё на то, что Цзи Цин и Цзи Ю — братья, поэтому в первом невольно проскальзывают черты второго.

Просидев так полдня, погруженный в мысли о Цзи Цине, Чу Мочэнь наконец почувствовал себя сумасшедшим.

Цзи Цин сейчас для него лишь инструмент. Инструмент, способный спасти Сяо Ю. Как он может так много думать о какой-то вещи?

В конце концов, всё это лишь уловки Цзи Цина, чтобы соблазнить его.

Раз уж тот раньше любил самых разных мужчин, значит, наверняка владеет какими-то лисьими штучками.

Пока он размышлял об этом, вошел Лан Юй.

— Молодой господин, это вещи, которые принес господин Фэн. Он доставил запас на целый месяц.

Чу Мочэнь махнул рукой.

— Иди в подвал, заставь его выпить.

Лан Юй ответил согласием и, взяв апельсиновый сок, присланный Фэн Кэ, направился в подвал.

Цзи Цин долгое время ничего не ел, к тому же от удара ногой, нанесенного Чу Мочэнем, у него открылось легкое желудочное кровотечение. Ужин, который он только что съел, вызвал сильное недомогание, и сил совсем не осталось.

Лан Юй нахмурился, глядя на него с явным отвращением.

— Цзи Цин, пора принимать лекарство.

Цзи Цин лежал на полу, совершенно обессиленный. Ему не хотелось говорить.

— Пей лекарство! — повысил голос Лан Юй.

Цзи Цин даже не шелохнулся. Он сразу заметил апельсиновый сок в руках Лан Юя и прекрасно знал, что это такое.

Тогда, в порыве отчаяния желая спасти мать, он подписал документы и согласился продать свое сердце. Но теперь его терзали сожаления и сильный страх.

— Цзи Цин, ты чего притворяешься мертвым? — Лан Юй пнул его ногой.

Цзи Цин лишь еще сильнее свернулся калачиком. Лан Юй не хотел тратить на него лишние слова, опасаясь проговориться.

Он присел, заставил Цзи Цина открыть рот и насильно влил в него апельсиновый сок.

Цзи Цину и без того было плохо, а от ледяного сока, хлынувшего в горло, он начал задыхаться в приступе кашля.

Лан Юй хотел было помочь ему отдышаться, но, помедлив, передумал и собрался уходить.

Однако стоило ему подняться, как Цзи Цин вцепился в его штанину.

— Ты что творишь? — Лан Юй сузил глаза, на его лице отразился гнев.

Цзи Цин мертвой хваткой держался за штаны Лан Юя и, прокашлявшись, наконец заговорил:

— Я... просто хочу знать, почему вы все так бессовестно врете?

Лан Юй вовсе не собирался ему отвечать.

— Отпусти, иначе я с тобой не церемонюсь!

— Ты же знаешь, что все воспоминания брата Чэня ложные, почему вы упорно навязываете ему эту чушь? Кто дал вам на это право?

<http://bllate.org/book/20219/2012682>